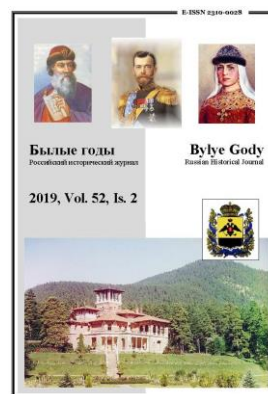


Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 596-604. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.596
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Legal Landscape of the Russian Empire: the Experience of Interaction between the Center and the Regions (XVIII – beginning of the XX centuries)

Anna V. Popova ^{a,*}, Svetlana S. Gorokhova ^a, Marianna G. Abramova ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The authors carried out a comparative legal analysis on the basis of the main Russian legal sources and have come to the following conclusion: the legal policy of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries (until February 1917) was directed to a gradual transition from a Union of territories with equal rights into autonomous entities within a United Russia based on the principles of the legal subordinate of the national territories to the Imperial center in order to create a single legal landscape.

The Imperial style structure in Russia in the early twentieth century was characterized, on the one hand, by the preservation of the national features of individual territories within the Russian state, having historical, religious – confessional and other differences, and on the other hand, smoothly coordinated system of governance in the national territories. This system was based on special executive bodies: top-ranking committees, local executive bodies (namestnichestva) and permanent governor-generals, as well as an agency monitoring the population, taking into account the specific characteristics of each territory. Particular attention was given to the creation of a system of interaction between general and local (regional) legislation. This was done in order to provide the state with a unified legal system taking into account the preservation of national traditions and mentality characteristics.

Keywords: state legal policy, system of legislation, local legislation, national regions, legal landscape, unification, local customs, code of local laws, general legislation of the Russian Empire.

1. Введение

Проблема перераспределения законотворческих полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации приобретает сегодня особую значимость и остроту. Роль законотворчества субъектов растет, и при этом соотношение федерального и регионального законодательства является показателем развития федеральной системы права. В силу этого вопрос системной гармонизации представляется основополагающей задачей современного этапа государственно-правового развития России, ибо ее отсутствие создает конфликтность внутри российского федерализма, является причиной кризиса в правовой сфере регулирования практически всех сфер жизни российского общества.

Необходимость решения этих проблем позволяет обратиться к отечественному опыту истории взаимодействия центрального и местного законодательства в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Авторы настоящего исследования анализируют способы и методы создания единого правового пространства в такой сложной форме государственного устройства, как империя, рассматривают особенности центрального и местного законодательства в различных частях Российской империи, ставят цель выявить, каким образом строилась законодательная политика

* Corresponding author

E-mail addresses: anna0710@yandex.ru (A.V. Popova), swettalana@yandex.ru (S. S. Gorokhova), abramova-m@mail.ru (M.G. Abramova)

того времени. Решить задачу формирования единого гармоничного правового пространства в современной России невозможно без использования богатого историко-правового опыта Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для написания статьи послужили: Манифест «Об издании Свода законов Российской империи» (31.01.1833), Свод основных государственных законов Российской империи (23.04.1906), Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной Думой Закон о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (17(30).06.1910); Свод местных узаконений губерний Остзейских 1845–1864 гг.; Сеймовый устав для Великого княжества Финляндского, высочайше утвержденный (20.07.1906), Дневник законов Царства Польского» (1815–1871); Положение о внутреннем управлении Грузии (12.09.1801); а также научные публикации отечественных авторов дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

2.2. Решение исследовательских задач обозначенной темы основано на использовании принципа историзма. Вопросы соотношения центрального и местного законодательства, возможность их гармонизации, особенно в части совместного ведения между т.н. «центром» и «национальными» окраинами, рассматриваются как следствие конкретных социально-исторических условий, в формировании которых важную роль играли внешние факторы, а также консервативность ментальности различных народов Российской империи.

Авторы статьи полагают возможным использование цивилизационно-культурного подхода (Немытина и др., 2017: 1417), в соответствии с которым Россия рассматривается как цивилизационное пространство.

3. Обсуждение

Большинство современных государствоведов (Гуляков, Саломатин, 2016; Гошуляк, 2016; Гуляков, 2016) утверждают, что не существует двух одинаковых федераций, т.к. их характерные черты обусловлены исторической, политической, национальной, конфессиональной и иными особенностями развития. М.М. Михайлов, известный дореволюционный государствовед, писал, что, история создания такого государства, как Россия (соединение различных территорий, населенных народами, имеющими различный менталитет, а вследствие этого и правовое пространство), является причиной соблюдения интересов центра и присоединенных территорий, что порождает необходимость в сохранении местного законодательства, имеющего зачастую национальный характер (Михайлов, 1860: 4).

В рассматриваемый исторический период местные законы в соответствии с государственной правовой политикой Российской империи сохраняли свое значение и юридическую силу в той части, которая отражала особенности этнического сознания и духовных ценностей отдельных национальных групп населения каждой из территорий, входящих в состав России. Однако царское правительство не отказывалось от влияния на системы местного права в национальных окраинах в публичной и частной сферах правового регулирования. По мнению исследователей, согласование центрального и местного законодательства происходило с учетом необходимости создания единого правового пространства страны, но при условии обязательного сохранения источников права, действующих на различных территориях Российской империи. При этом имперское законодательство часто подвергалось изменению из-за особой правовой политики царского правительства, требующей признания за санкционированным на определенных в законе условиях местного законодательства и обычного права приоритета в области частноправовых отношений (Кодан, Февралев, 2012b: 230-231).

Сегодня гармонизация системы российского законодательства в сфере совместного ведения федерального центра и субъектов является исторически необходимой в целях дальнейшего государственно-правового развития страны. Для реализации такого процесса, на наш взгляд, необходимо обратиться к истории становления государственного устройства в целом, и к особенностям реализации законотворческой политики в многонациональном и многоконфессиональном государстве, каковым является наша страна с XVII в., в частности. Поэтому вопросы взаимодействия партикулярного (центрального) и местного законодательства в конце XIX – начале XX вв. являются предметом настоящей статьи. Хронологически исследование доводится до февраля 1917 г., что связано с началом буржуазных преобразований в Российской империи.

4. Результаты

Территория Российской империи состояла из исторической исконной территории, населенной русским народом – Европейской России (разделенной на административно-территориальные части – губернии), и присоединенных к ней национальных окраин, к числу которых относились: Привислинский край (Царство Польское), Кавказский край, Сибирь, Среднеазиатские владения в составе Туркестана и Степного края, Великое княжество Финляндское. В административном плане

страна была разделена на семьдесят две губернии, двадцать одну область и два самостоятельных округа (*Wirtschaftung Statistik*, 1933: 517; 1943: 113; *Rocznik Statystyki*, 1927). С 1832 г. все законодательные акты, принятые на ее территории, подлежали обязательному включению в Свод законов Российской империи (далее по тексту – Свод законов), где Раздел I заключал в себе текст Основных государственных законов Российской империи, октроированных 23 апреля 1906 г. (далее по тексту – Основные государственные законы), являющихся основополагающим законом для всей страны (отдельные авторы считают их конституционным актом) (*Свод законов*, 1906). В Манифесте императора Николая I №3 «Об издании Свода законов Российской империи» (*ПСЗРИ т. VIII, 1833: 68-69*) определялось, что тот представляет собой акт систематизации законодательства, «свод» общеимперских законов, но при этом на территории национальных окраин они имеют юридическую силу и применяются до момента создания на их основе специальных сводов, их санкционирования и включения в специальные разделы Свода законов (*Манифест т. VIII, 1833: 71-72*).

Ст. 53 Основных государственных законов с 1906 г. вплоть до февраля 1917 г. определяла перечень юридических документов, определяемых как имперское законодательство, а также местные узаконения, к числу которых были отнесены местные обычаи и законодательные акты национальных окраин, которые так же, как и имперские, подлежали обязательному включению в Свод законов. Примечательно, что, исходя из толкования ст. 88, местное законодательство не может быть отменено имперским, кроме специально оговоренных случаев (*Свод законов*, 1906).

Юридическую силу законодательство «национальных окраин» так же, как и иные источники местного национального права, получали только после исполнения следующих условий:

1) обязательное их санкционирование государственной властью Российской империи, по ст. 90 Основных государственных законов все местное законодательство подлежало внесению в Правительствующий сенат в виде подлинников или заверенных копий (*Свод законов*, 1906);

2) издание на русском языке как государственном языке, обязательном для использования в государственных органах, общественных организациях, в армейских и флотских подразделениях. При этом в ст. 3 идет речь о возможности использования национальных языков в национальных окраинах в случае установления такого порядка в специальном законодательстве (*Свод законов*, 1906);

3) установление в Основных государственных законах Российской империи и отраслевом законодательстве принципов действия нормативных актов в пространстве и права на внесение необходимых изменений в местное законодательство в целях создания единого правового пространства;

4) включение конкретного нормативного правового акта в текст Свода означало санкционирование его со стороны центральной государственной власти, а следовательно, легальное использование этого источника местного права на соответствующей территории.

Местные акты, систематизированные в особые своды, действовали по кругу лиц, т.е. распространяли свое действие на население национальных окраин или регионов. Особенность законотворческой деятельности состояла в том, что правовому регулированию подлежали спорные вопросы, поэтому одновременно разрабатывалось несколько законопроектов, которые при последующем рассмотрении имели конкурирующий характер. Опубликованию подлежали также все редакции нормативных правовых актов с полными или частичными правками, предлагаемые в ходе обсуждений в уполномоченных государственных органах и межведомственных комиссиях (*Ильин, 2015: 6; Медушевский, 2010: 302-399*).

Правовой статус «национальных окраин» в составе Российской империи, официально закрепленный в Своде законов, свидетельствовал о том, что в дореволюционной России существовали отдельные черты федерализма. К их числу следует отнести разграничение предметов ведения между центром и национальными окраинами, а также разделение законов по территориальному принципу действия на имперские и местные. Привилегированность отдельных территорий, изначально присоединявшихся к России на основе уний (Великое княжество Финляндское (далее по тексту – Польша) и др.), в конечном итоге привела в них к национальным восстаниям с целью обрести независимость.

Таким образом, правовая политика Российской империи была направлена к постепенному переходу от унии на равном праве к автономии, когда объединяются суверенные государства (примером чему может служить процесс образования США) в составе единой России на принципах законодательно определенного подчинения национальных окраин центру в целях формирования единого правового пространства. Процесс гармонизации фактического совместного ведения между русским центром и присоединенными новыми территориями строился на основе формирования общероссийского правосознания при сохранении религиозных и иных особенностей и местных обычаев.

Объем местного (регионального) законодательства зависел напрямую от условий предоставления автономии отдельной национальной территории в составе Российской империи. Учет исторических реалий присоединения национальных окраин (регионов) позволяет выделить, в свою очередь, две системы местного законодательства:

1) местное право административно-национальных автономий получило свое развитие в XVII–XIX вв. в силу того что местное управление и система права, так же, как и система законодательства на этих территориях, строилось по принципам тех стран, в состав которых они входили до присоединения к Российской империи;

2) законодательство особых национально-территориальных автономий как территорий, обладающих особым законодательно закрепленным правовым статусом.

Административно-национальные автономии отличались от национально-территориальных автономий тем, что практически вся сфера публичного права, в первую очередь система государственного управления (административное право), относилась к правовому регулированию имперского законодательства, правда с учетом местных обычаев и привлечением национальных кадров. При этом частное право было отнесено к сфере фактического совместного ведения с приоритетом местных узаконений. В последнем случае применение имперского законодательства носило субсидиарный характер.

Со второй половины XIX в. на территории автономий было распространено действие имперского законодательства. Российская империя признавалась единым и неделимым государством (ст. 1 Основных государственных законов). Решение об особом статусе национального региона, присоединенного к России либо добровольно, либо путем завоеваний, принималось исключительно Государем Императором. Он как суверен самостоятельно определял всю систему управления и правовое регулирование в новом регионе, исходя из принципов «справедливости и политической целесообразности», а не из установлений позитивного права (Берендтс, 1915: 18).

С 1832 г. единственной национальной автономией оставалась Финляндия, которая, исходя из смысла ст. 2 Основных законов, имела право во «внутренних делах своих» применять собственное законодательство (Свод законов, 1906). В целях разрешения разногласий и гармонизации имперского и местного законодательства Законом о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (далее по тексту – Закон от 17 июня 1910 г.) была установлена совместная компетенция – разряды общеимперских дел, которые подлежали установлению только имперским «парламентом», но с обязательным участием представителей от Финляндии. Ст. 3–4 Закона 17 июня от 1910 г. устанавливали, что эти представители избирались Финляндским сеймом, а критерием их отбора становилось обязательное знание русского языка. Материальное содержание депутатов Государственной Думы и членов Государственного совета от Финляндии шло из государственной казны с возмещением из местного бюджета.

В отличие от других административно-территориальных автономий Финляндия, по содержанию ст. 2 Закона от 17 июня 1910 г., обладала правом на принятие местных законов не только в сфере частного, но и публичного права. Всего упоминалось девятнадцать сфер правового регулирования. Так, для Финляндии было дополнительно разрешено: установление местных налогов и сборов; воинская обязанность для граждан Финляндии; предоставление гарантий осуществления прав российских подданных на ее территории; использование финского языка в качестве государственного; установление правового статуса государственных служащих в органах власти; право приведения приговоров и решений имперских и местных судебных органов; вносить необходимые изменения или дополнения в нормы уголовного и процессуального законодательства в интересах местного населения; развивать собственную систему образования на территории Финляндии; устанавливать нормы права, обеспечивающие права граждан на собрания, объединения, свободу печати, правила провоза товаров через границу, включая таможенные пошлины, права на интеллектуальную собственность, включая охрану авторского права и права промышленной собственности и др.; определять правовой статус общественных организаций и иных юридических лиц, созданных не на ее территории; создавать собственные системы связи, финансовую систему; организовывать воздушное, морское и железнодорожное сообщение для поддержания необходимого уровня связи Финляндии с остальной территорией Российской империи и иными странами; гарантировать права иностранцев на территории этого княжества. Однако все законодательство, принятое сеймом Финляндии, подлежало повторному прохождению через имперский парламент.

Примерно такими же правами в соответствии с Основами конституции Царства Польского, принятой еще в 1815 г., была наделена и Польша. Однако после польского восстания 1830 г. действие польской конституции было отменено. Ст. 1 Манифеста «О новом порядке управления и образования Царства Польского», датированного февралем 1832 г., было установлено, что территория Польши является неотъемлемой частью Российской империи, на которой разрешено местное законодательство, в том числе регулирующие гражданско-правовые и уголовно-правовые отношения, и особое государственное управление в интересах местного населения, за которым сохранялись все прежние права и свободы (Манифест т. VII, 1832: 83).

Таким образом, разграничение компетенции между органами верховной власти российского государства и национальными окраинами зависело от предмета правового регулирования и системы партикулярного права империи. Государственное право находилось в исключительном ведении верховной власти Российской империи. Первоначально такие публичные отрасли права, как уголовное и уголовно-процессуальное право, и все частное право (гражданское, семейное и гражданско-

процессуальное право) находилось либо в совместном ведении империи и национальных регионов, либо в исключительном ведении местных органов власти. Ставя перед собой цель создания единого правового пространства, верховная власть изначально на всех территориях, за исключением национально-территориальных автономий, максимально сокращала действие местных правовых актов по территориальному принципу.

После череды национальных восстаний в 1840–1860-е гг. начался процесс унификации имперского и местно-национального правового регулирования. Особое значение имела обязательность опубликования всех узаконений национальных регионов на русском языке для всеобщего ознакомления, что позволяло не только санкционировать процесс их принятия, но и способствовать их реализации в деятельности не только общеимперских, но и местных государственных органов управления, а также судебных инстанций всех уровней.

Для территорий с особым статусом – Финляндии и Польши, где в соответствии с имперским законодательством сохранялась национальная локализованная система права, обязательным была публикация не только местного законодательства по соответствующим предметам ведения, но и текста общеимперских законов, относящихся к каждому из этих регионов.

В случае коллизии между общеимперским и региональным законодательством Правительствующий Сенат предписывал отдавать приоритет местным источникам права, т.к. общеимперское законодательство имело субсидиарный характер, что обосновывало его использование лишь при наличии пробелов (наподобие действия «Каролины» в Священной Римской империи германской нации). В соответствии со ст. 79 Основных государственных законов местное законодательство, созданное для конкретной территории, определенной нации или национальности, не может быть отменено иначе, как по прямому указанию имперского закона. Кроме того, высказывалась обязательность буквального с прямым запрещением расширительного или узкого толкования норм права, содержащихся в статьях местных законов ([Свод законов, 1906](#)).

При коллизии между законом, изданным на национальном языке региона, и тем же, но официально изданным на русском языке, приоритет при реализации права отдавался всегда последнему варианту, т.к. издание на государственном языке означало его санкционирование имперской верховной властью. В том случае, если местные законы, сходные по содержанию, были изданы на русском языке, но в разное время, применялся последний по времени издания закон, что и сегодня является правилом при разрешении коллизий в общей теории права. При рассмотрении гражданских дел Правительствующий сенат настаивал на исключительном применении регионального права или предписывал «обращаться к истокам формирования местного права», действующего на отдельной национальной территории в момент наступления юридического факта (юридического состава).

Процесс систематизации местного законодательства должен был служить развитию системы регионального права, что достигалось путем согласования норм права регионов с общегосударственной системой законодательства. В XVIII – первой половине XIX вв. была предпринята попытка создания сводов местного законодательства, которая так и не претворилась в жизнь. Однако даже начало такой работы позволило оценить весь объем подобных узаконений, но, главное, выработать меры по согласованию правового регулирования на общеимперском и региональном уровнях. К сожалению, единственным примером этого является Свод местных законов Остзейских губерний, который действовал «в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и в городе Нарве» ([СМУТО, 1845](#)) и основывался на источниках права принятых до и после присоединения к Российской империи. Следует отметить, что если 1-я и 2-я части Свода, утвержденные Высочайшим указом 1 июня 1845 г., были опубликованы и на немецком, и на русском языках, то 3-я по Высочайшему указу 12 ноября 1864 г. – только на русском языке.

Нормы местного законодательства административно-территориальных автономий (Малороссия, Белоруссия, Северный Кавказ) были включены в текст Свода законов Российской империи. На отдельные национальные окраины (Бессарабия, Царство Польское) распространялось действие общеимперского уголовного и уголовно-процессуального права. При этом продолжали издаваться не только сборники региональных узаконений, но и комментарии к ним с использованием местной судебной практики.

Свод законов обладал большей юридической силой по отношению к региональному законодательству и актам его систематизации. В его нормах, касающихся основ местного управления и самоуправления, правового статуса различных категорий населения, особенностей правового регулирования частнопроводных, уголовно-правовых, процессуальных отношений были определены правовые пределы действия местного правопорядка ([Кодан, Февралев, 2014а: 65](#)). По этим вопросам общеимперское право носило субсидиарный характер по отношению к региональному, что может свидетельствовать о наличии совместного ведения. При этом именно Свод законов являлся главным правовым средством унификации системы законодательства.

Судебные органы могли применять как общеимперское, так и региональное законодательство, хотя правоприменительный процесс различался в зависимости от конкретной автономии в составе Российской империи. Так, например, на территории Северного Кавказа, Белоруссии, Малороссии и

Бессарабии больше использовались нормы общеимперского законодательства, лишь с небольшим процентом применения местного законодательства по гражданским делам. Чаще всего это было связано с нежеланием судебных чинов изучать местные источники права, их непрофессионализмом, а также с наличием пробелов в региональном законодательстве или с его несоответствием нормам общероссийского права. Все это привело в 1830–1850-х гг. к полной замене местного законодательства общеимперским на территории Малороссии, Кавказского региона и Белоруссии, а в Бессарабии общеимперское право стало применяться при разрешении большинства дел в гражданском судопроизводстве.

В Остзейских губерниях, Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском в силу особого правового статуса этих регионов, напротив, местное законодательство применялось судебными установлениями гораздо чаще, чем в иных национальных окраинах. В конце XIX – начале XX вв. вопрос о соотношении местного и общеимперского права обсуждался государствоведами, в том числе и на заседаниях Государственной Думы. Высказывалось мнение о необходимости в целях гармонизации заменить всю систему местного права на общеимперскую, но с обязательным учетом местных национальных особенностей.

Во второй половине XIX в. уголовное и уголовно-процессуальное право было практически полностью унифицировано, и на все автономии (регионы), кроме Финляндии, было распространено действие процессуальных норм Судебной реформы 1864 г. К 1917 г. региональное законодательство практически прекратило действовать в автономиях, что позволяет говорить об унификации системы правового регулирования в Российской империи. На тех территориях, где нормы местных законов еще продолжали действовать, их реализация была поставлена под контроль органов общеимперской государственной власти. В сфере частного права региональное законодательство продолжало применяться чаще по сравнению с общеимперским, однако во второй половине XIX в. началась активная подготовка к изданию проекта Гражданского уложения Российской империи. Его цель заключалась в кодификации и приведении в соответствие общеимперского и регионального гражданского законодательства.

Таким образом, до февраля 1917 г. существование национальных окраин в виде особого типа имперских автономий не было противопоставлением единому правовому пространству российского государства. Как отмечал Б. Э. Нольде, национальные окраины Российской империи можно было определить как особую систему самостоятельного самоуправления на основе местного национального права, которое «существует, пока государство его не отменило» (Нольде, 1911: 272-277). Модель взаимодействия исторического центра и присоединяемых территорий России на всем протяжении существования имперского типа ее государственности основывалась на представлении Российской империи как единого государства со сложным многонациональным и сложносоставным характером. Все национальные регионы, за исключением Великого княжества Финляндского, Бухары и Хорезма (последние были связаны с Российской империей международно-правовыми актами), были инкорпорированы в общеимперскую административно-правовую систему.

В начале XX в. имперский тип государственного устройства характеризовался, с одной стороны, сохранением национальных особенностей для отдельных территорий, обусловленных историческими, религиозными, конфессиональными и иными факторами, а с другой – слаженной системой управления национальными окраинами. Такой тип государственности базировался на особых органах государственной власти – высших комитетах, наместничествах и генерал-губернаторствах, а также на системе надзора за населением и на особой системе взаимодействия общеимперского и местного (регионального) законодательства. Таким образом, Российская империя представляла собой особый вид государственного устройства, определяющий характер существования «локальной цивилизации», под которой следует понимать объединенную одной историей, ментальными ценностями, образом жизни, стилем хозяйствования, культурой определенную общность, состоящую из различных наций и национальностей на конкретной территории (Грачев, 2015: 133). Правовой основой существования такого типа государственного устройства следует считать систему имперского позитивного законодательства совместно с местными узаконениями, порядок взаимодействия между которыми определялся Сводом законов 1906 г.

5. Заключение

Правовая политика Российской империи была направлена к постепенному переходу от унии на равном праве к автономии в составе единой России на принципах законодательно определенного подчинения национальных окраин центру в целях формирования единого правового пространства. Процесс гармонизации фактического совместного ведения между русским центром и присоединенными новыми территориями строился на основе формирования общероссийского правосознания при сохранении религиозных и иных особенностей и местных обычаев. Ставя перед собой цель создания единого правового пространства, верховная имперская власть изначально на всех территориях, за исключением национально-территориальных автономий, максимально сокращала действие местных нормативных правовых актов по территориальному принципу. Имперский тип государственного устройства характеризовался сохранением национальных особенностей отдельных

территорий, слаженной системой управления национальными окраинами, особой системой взаимодействия общеимперского и местного (регионального) законодательства.

Литература

- Берендтс, 1915** – Берендтс Э.Н. К вопросу о юридической силе старых шведских Основных законов в Финляндии // *Журнал Министерства юстиции*. 1915. №2 (февраль). С. 1-72.
- Верхоланцева, 2006** – Верхоланцева Т.Ю. Местное законодательство Российской империи: краткий обзор источников // Румянцевские чтения: Материалы междунар. конф. (Москва, 11–13 апр. 2006) / Сост. Л.Н. Тихонова [и др.]. М.: Пашков дом, 2006. С. 43-49.
- Гошуляк, 2016** – Гошуляк В.В. Доклады Венецианской комиссии по вопросам федерализма // *Lex Russia*. 2016. № 7 (116). С. 156-159. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.156-159
- Грачев, 2015** – Грачев Н.И. Империя как объект политико-правового анализа // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. №1. С. 129-139.
- Гуляков, 2016** – Гуляков А.Д. Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2016. №1. С. 37-41.
- Гуляков, Саломатин, 2016** – Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю. Конституционные акты федеративных государств: особенности сравнительного диахронного и синхронного анализа // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2016. Т. 4. №3 (15). [Электронный ресурс]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 24.02.2019).
- Закон о порядке издания, 1910** – Высочайше утвержденный 17 (30) июня 1910 года, одобренный Государственным советом и Государственной Думой Закон о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения / Сеймовый устав для Великого княжества Финляндского, высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913. С. 212-226.
- Ильин, 2015** – Ильин А.В. Юридическая техника реформаторского законопроекта в России XIX в.: основные подходы к исследованию // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право*. 2015. №2. С. 5-12.
- Исаев, 2002** – Исаев И.А. История государства и права России: Учебник для вузов. М.: Юристъ, 2002.
- Карнишина, 2013** – Карнишина Н.Г. Правовой статус Царства Польского в оценках русских дореволюционных государствоведов // *Юридические записки*. 2013. №2. С. 28-34.
- Кодан, Февралев, 2014** – Кодан С.В., Февралев С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.): Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
- Манифест т. VII, 1832** – Манифест о новом порядке управления и образования Царства Польского. 14 февраля 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: В 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 7. 1832. №5165. С. 83-90.
- Манифест т. VIII, 1833** – Манифест «Об издании Свода законов Российской империи». 31 января 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. С-Пб.: в Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. Канцелярии, 1830–1885. Т. 8: 1833. Отд-ние 1. № 947. С. 68-69.
- Медушевский, 2010** – Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков / Сост. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 638 с.
- Михайлов, 1860** – Михайлов М.М. Лекции местных гражданских законов М.М. Михайлова [читанные в Санкт-Петербургском университете, 1859–1860] С-Пб.: Тип. С. Бекенева, 1860. Вып. 1. 67 с.
- Нольде, 1911** – Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. С-Пб.: Тип. «Правда», 1911. 564 с.
- ПСЗРИ т. VIII, 1833** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Санкт-Петербург: в Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. Канцелярии, 1830–1885. Т. 8: 1833. Отд-ние 1. От №5877–6684. 1834. 832 с.
- Свод законов** – Свод законов Российской империи: Свод законов гражданских: с примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. Т. 10: Ч. 1. С.-Пб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», БГ. 441 с.
- Свод основных законов, 1906** – Свод основных государственных законов Российской империи / Полное собрание законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. В пяти книгах. Книга первая. Т. I–III. (Изд. неофиц., под ред. и с прим. И.Д. Мордугсай-Болтовского. СПб., 1912. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/37.html> (дата обращения: 24.02.2019).
- СМУГО, 1845** – Свод местных узаконений губерний Остзейских. 1845–1864. Ч. 1: Учреждения. С-Пб.: [б. и.], 1845 (В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/ostzei.html> (дата обращения: 12.02.2019).
- Февралев, 2011** – Февралев С.А. Местное законодательство в государственно-правовом развитии России (вторая половина XVII – начало XX вв.) // *Право и политика*. 2011. №7. С. 1171-1181.
- Nemytina et al., 2017** – Nemytina M.V., Efremova N.N., Mikheeva T.Ts. Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4. pp. 1416-1432.

Wirtschaftung Statistik, 1933 – *Wirtschaftung Statistik*. № 13. Berlin, 1933. P. 517; Berlin, 1943, № 3. S. 113; *Rocznik Statystyki Rzeszypospolitej Polskiej*, 1927, Rok V. Warszawa, 1927, pp. 538-541, 574-576. [Electronic resource]. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/> (date of access: 08.02.2019).

References

Berendts, 1915 – *Berendts E.N.* (1915). K voprosu o yuridicheskoi sile starykh shvedskikh osnovnykh zakonov v Finlyandii [To the issue of validity of old Swedish basic laws in Finland]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No 2, (fevral'), pp. 1-72. [in Russian]

Fevralev, 2011 – *Fevralev S.A.* (2011). Mestnoe zakonodatel'stvo v gosudarstvenno-pravovom razvitii Rossii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.) [The local legislation in state and legal development of Russia (the second half of XVII – the beginning of the 20th centuries)]. *Pravo i politika*, No 7, pp. 1171-1181.

Goshulyak, 2016 – *Goshulyak V.V.* (2016). Doklady Venetsianskoi komissii po voprosam federalizma [Reports of the Venetian commission on questions of federalism]. *Lex Russia*, No 7 (116), pp. 156-159. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.156-159 [in Russian]

Grachev, 2015 – *Grachev N.I.* (2015). Imperiya kak ob"ekt politiko-pravovogo analiza [Empire as subject of the political and legal analysis]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*, No 1, pp. 129-139. [in Russian]

Gulyakov, 2016 – *Gulyakov A.D.* (2016). Mnozhestvennost' modelei federalizma i ispol'zovanie komparativistskogo podkhoda v ikh issledovanii [Plurality of models of federalism and use of komparativistsky approach in their research]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, No 1. pp. 37-41. [in Russian]

Gulyakov, Salomatin, 2016 – *Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu.* (2016). Konstitutsionnye akty federativnykh gosudarstv: osobennosti sravnitel'nogo diakhronnogo i sinkhronnogo analiz [Constitutional acts of federal states: features comparative diakhronny and synchronous analysis]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*, Vol. 4, No 3 (15). [Electronic resource]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (data obrashcheniya: 24.02.2019) [in Russian]

Il'in, 2015 – *Il'in A.V.* (2015). Yuridicheskaya tekhnika reformatorskogo zakonoproekta v Rossii XIX v.: osnovnye podkhody k issledovaniyu [Legal technology of the reformatory bill in Russia 19th century: main approaches to a research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14, Pravo*. No 2. pp. 5-12. [in Russian]

Isaev, 2002 – *Isaev I.A.* (2002). Istoriya gosudarstva i prava Rossii: Uchebnik dlya vuzov [History of state and law of Russia]. M.: Yurist", 800 p. [in Russian]

Karnishina, 2013 – *Karnishina N.G.* (2013). Pravovoi status Tsarstva Pol'skogo v otsenkakh russkikh dorevolutsionnykh gosudarstvovedov [Legal status of the Kingdom Polish in estimates of the Russian pre-revolutionary gosudarstvoved]. *Yuridicheskie zapiski*, No 2, pp. 28-34 [in Russian]

Kodan, Fevralev, 2014 – *Kodan S.V., Fevralev S.A.* (2014). Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX v.) [The local right of national regions in the Russian Empire (the second half of XVII – the beginning of the 20th century)]: monografiya. M.: Yurlitinform, 288 p. [in Russian]

Manifest t. VII, 1832 – Manifest o novom poryadke upravleniya i obrazovaniya Tsarstva Pol'skogo. 14 fevralya 1832 g. [Manifesto on a new order of management and formation of the Kingdom Polish. February 14, 1832] Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 2-e sobr.: V 55 t. SPb., 1830-1885. Vol. 7, No 5165, pp. 83-90. [in Russian]

Manifest t. VIII, 1833 – Manifest «Ob izdanii Svoda zakonov Rossiiskoi imperii». 31 yanvarya 1833 g. [Manifesto "About the Publication of the Code of Laws of the Russian Empire". January 31, 1833]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2. S-Pb.: v Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1830-1885. Vol. 8: 1833. Otd-nie 1, No 5947, pp. 68-69. [in Russian]

Medushevskii, 2010 – *Medushevskii A.N.* (red.) (2010). Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka [The constitutional projects in Russia XVIII – the beginnings of the 20th century]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 638 p. [in Russian]

Mikhailov, 1860 – *Mikhailov M.M.* (1860). Lektsii mestnykh grazhdanskikh zakonov M.M. Mikhailova [chitannye v Sankt-Peterburgskom universitete], 1859-1860. [[Lectures of local civil laws of M.M. Mikhaylov [chitanny at the St. Petersburg university] 1859-1860] SP-b.: Tip. S. Bekeneva, Vyp. 1, 67 p. [in Russian]

Nemytina et al., 2017 – *Nemytina M.V., N.N. Efremova, Mikheeva T.Ts.* (2017). Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court. *Bylye Gody*, Vol. 46, Is. 4. pp. 1416-1432.

Nol'de, 1911 – *Nol'de B.E.* (1911). Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava [Sketches of the Russian state law]. SPb.: Tip. «Pravda», 564 p. [in Russian]

PSZRI t. VIII, 1833 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie 2. Sankt-Peterburg : v Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1830-1885. Vol. 8: 1833. Otd-nie 1. Ot № 5877-6684. 1834. 832 p. [in Russian]

SMUGO, 1845 – Svod mestnykh uzakoneni gubernii Ostzeiskikh. 1845-1864. Ch. 1: Uchrezhdeniya. SPb.: [b. i.], 1845 [Arch of local legalizations of the Provinces of Ostzeyskikh. 1845-1864] (V tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva). [Electronic resource]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/ostzei.html> (data obrashcheniya: 12.02.2019) [in Russian]

Svod osnovnykh zakonov, 1906 – Svod osnovnykh gosudarstvennykh zakonov Rossiiskoi Imperii Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Code of laws of the Russian Empire: Code of laws of civil: With notes and references on a pozdneyshiya of legalization and the table of contents]. Polnyi tekst vsekh 16 tomov soglasovannyi s poslednimi prodolzheniyami, postanovleniyami, izdannymi v poryadke st. 87 Zak. Osn., i pozdneishimi uzakoneniymi. V pyati knigakh. Kniga pervaya. Vol. I-III. (Izd. neoffits., pod red. i s prim. I.D. Mordugsai-Boltovskogo. SPb., 1912. [Electronic resource]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/37.html> (data obrashcheniya: 24.02.2019). [in Russian]

Svod zakonov – Svod zakonov Rossiiskoi Imperii: Svod zakonov grazhdanskikh: s primechaniyami i ssylkami na pozdneishiya uzakoneniya i oglavleniem [Code of laws of the Russian Empire: Code of laws of civil: With notes and references on a pozdneyshiya of legalization and the table of contents] Vol. 10: Ch. 1. S.-Pb.: Rus. Kn. Tovarishchestvo «Deyatel'», b.g. 441 p. [in Russian]

Verkholantseva, 2006 – Verkholantseva T.Yu. (2006). Mestnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii: kratkii obzor istochnikov [Local legislation of the Russian Empire: short review of sources]. *Rumyantsevskie chteniya*: materialy mezhdunar. konf. (Moskva, 11-13 apr. 2006). Sost. L.N. Tikhonova [i dr.]. M.: Pashkov dom, pp. 43-49. [in Russian]

Wirtschaftung Statistik, 1933 – Wirtschaftung Statistik (1933). No 13, P. 517. [Electronic resource]. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/> (date of access: 08.02.2019).

Zakon o poryadke izdaniya, 1910 – Vysochaishe utverzhdenyi 17 (30) iyunya 1910 goda odobrennyi Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoi Dumoi Zakon o poryadke izdaniya kasayushchikhsya Finlyandii zakonov i postanovlenii obshchegosudarstvennogo znacheniya [Most highly approved 17 on June (30), 1910 the Law on an order of the publication of the laws concerning Finland and resolutions of nationwide value approved by the State Council and the State Duma]. Seimovyi ustav dlya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo vysochaishe utverzhdenyi 20 iyulya 1906 goda. S prilozheniem i alfavitnym ukazatelem. SP-b, pp. 212-226. [in Russian]

Правовое пространство Российской империи: опыт взаимодействия центра и регионов (XVIII – начало XX вв.)

Анна Владиславовна Попова ^{a,*}, Светлана Сергеевна Горохова ^a, Марианна Григорьевна Абрамова ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. На основе сравнительно-правового анализа основных российских правовых источников авторы статьи утверждают, что правовая политика Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (до февраля 1917 г.) была направлена к постепенному переходу от унии на равном праве к автономии в составе единой России на принципах законодательно определенного подчинения национальных окраин имперскому центру в целях формирования единого правового пространства. Имперский тип государственного устройства России в начале XX в. характеризовался, с одной стороны, сохранением национальных особенностей отдельных территорий, входящих в состав Российского государства, обусловленных историческими, религиозными, конфессиональными и иными факторами, а с другой – слаженной системой управления национальными окраинами, основу для которой составляли особые органы государственной власти – высшие комитеты, наместничества и генерал-губернаторства, а также система надзора за населением, учитывающая конкретные особенности каждой территории. Особое внимание для объединения страны в правовом плане с учетом сохранения национальных традиций и ментальных особенностей уделялось созданию системы взаимодействия общеимперского и местного (регионального) законодательства.

Ключевые слова: государственная правовая политика, система законодательства, местное законодательство, национальные окраины, правовое пространство, унификация, местные обычаи, свод местных узаконений, общеимперское законодательство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anna0710@yandex.ru (А.В. Попова), swettalana@yandex.ru (С.С. Горохова), abramova-m@mail.ru (М.Г. Абрамова)